

Вероятно, мне не стоило писать эти строки. И, скорее всего, к моменту, когда я окончательно передумаю делиться своей историей с людьми, она окажется в печати.

Время вышло, и книга выйdet.

Ее издадут.

Не потому, что история хороша или оригинальна. Не потому, что я гениальный писатель или талантливый выдумщик. Я вообще не писатель. Не потому, что повествование изобилует яркими образами и небывалыми литературными приемами, является новым словом в быстроменяющемся течении моды беллетристики или искусства или сможет чему-то научить или хотя бы развлечь читателя.

Нет.

В ней ничего этого нет.

Это даже не прокисшие мемуары никому не нужного безызвестного немолодого идиота.

— Вынимай...

Ее издадут. Назад пути нет.

Опоздал всего на день. Подпись сдуру я уже вклеил. Выпустят в печать просто назло мне. Как все и происходит в этом дружелюбном и толерантно-беззубом мире. Назло мне.

— Эй, оглох? Ты меня слышишь? Хватит сопеть, и достань из меня свой чертов член!

Кажется, она начинает нервничать. Сердится.

Это ей не свойственно, отчего весь ее гнев звучит неуклюже. Но это мне даже нравится. Переживает, бедненькая. Думает, наверное, что забеременеет, что станет первой залетевшей из радикальных лесбиянок, или как там они себя называют. Думает, наивная, что я настолько глуп, что решился бы залезть на нее без резинки.

А еще это ее смешное выражение — «свой чертов член». Чертов, говорит, и это должно меня остудить. Кого вообще может остановить подобная нелепая фраза?

— Слышишь?

Она протестует, но не очень убедительно. Ускоряется, ритмично двигает бедрами, стонет от удовольствия.

Я молчу.

Пью «с горла» и продолжаю делать то, что, как совсем недавно выяснилось, у меня неплохо получается.

— Не молчи...

Оборачивается, хочет посмотреть на меня, но я усиливаю толчки, и она закатывает глаза. Взвизгивает, упирается локтями, и ее прическа вновь рассыпается на подушке.

Мне неинтересно.

Весь азарт, вся волнительная жажда закончились вместе с ее заветной робко-румяной неприступностью. Выветрились после первых десяти секунд в постели.

Теперь все, что меня занимает, глядя на обнаженную женщину, покусывающую края наволочки — время вышло, Филипп сволочь, и теперь со дня на день позвонит редактор и скажет: «Поздравляю, книгу выпустили». Для меня это означает лишь стыд, позор и наглую нефотогеничную рожу автора на форзаце. Какого черта я не взял себе псевдоним? Табурет Подпетлев, например. Может, еще не поздно? Хотя тогда потеряется весь смысл исповеди. И, что куда страшнее, я проиграю спор, а этого я никак не могу допустить.

— Да, да...

Она продолжает стонать. Одеяло сползает на пол, бортик кровати барабанит о стену, колени пружинят, мягкий ортопедический батут подталкивает, помогает, делает за меня полдела.

— Д-д-ддааа! — кричит она сквозь сомкнутые зубы, сбиваясь на задаваемый мной ритм.

Кажется, еще мгновенье, и уже бывшая лесбиянка признается мне в безграничной любви. Но мне все так же неинтересно.

Нет, стоп, не в том смысле неинтересно...

Тут важно уточнить.

Она — красивая женщина, пусть завтра я и не вспомню ее имени, несмотря на то, скольких трудов мне стоило узнать его. Шикарная дама, у которой все на месте. Особенно это «все на месте» проявилось, когда удалось стащить с нее дурацкий оверсайз-свитер, брюки и военные ботинки на шнурках.

Неинтересно мне по другой причине.

Объясню.

Дело в том, что помимо спора и, как говорит Филипп, желания самоутвердиться, меня привлекла, вернее, меня прошлого привлекла... нынешний я вряд ли бы заинтересовался... Не суть. Привлекла ее надменная недостижимость, как мне тогда казалось.

— Быстрее!

Возможно, мне хотелось разрушить ее убеждения и доказать кому-то, не знаю кому, возможно ей, что в отношениях между женщиной и мужчиной нет ничего ненормального. Какие тут могут быть предрассудки? Называй это миссией, или предназначением, или моим крестом, если угодно. А, может, все куда проще — я подыскиваю

убедительное объяснение собственной тупости. Или ишу применение своим новым так называемым талантам.

— Да! Да!

И, кажется, у меня это получается. По крайней мере, звучим мы так, что соседи наверняка завидуют.

— Еще, еще...

Ее тело напрягается. Ногти царапают простыню. Она хрипит, сильно сжимает бедра. Делаю два завершающих толчка. Она взвизгивает, подрагивает, валится на бок, расплзается по кровати, томно выдыхает и расслабляется.

Финишируем мы синхронно.

Мне так нравится. Одновременно.

Кто-то возразит — по очереди ярче впечатления и все такое. Что ж, оставляю подобную «яркость» любителям. Ну не фанат я тереться об уставшую женщину, расслабленную и мечтающую, чтобы ее хоть ненадолго оставили в покое. Еще больше не фанат краснеть, разводить руками и говорить что-то вроде «Погоди, дай мне минутку, сейчас будет новый заход». Нет уж, спасибо. Воспользуюсь сверхспособностью одновременного оргазма. Это трудный навык, но вполне приобретаемый. Каждый, при желании и достаточном упорстве, может научиться. Вот, кстати, почему я больше не верю в талант. Практика,

практика и еще раз практика. В сексе и в любом другом деле только практика позволяет стать экспертом. А талант... Пусть ленивые рефлексируют на это слово, пока я день за днем набираюсь опыта.

Телефон звонит.

А вот и он — долгожданный пугающий звонок.

Филипп — предатель. Это уже редактор звонит наверняка.

Телефон тарабанит, жужжит, светится неизвестным номером, а я думаю, как же докатился до такой жизни. С цепи сорвался — так обычно говорят? Как я всего за полгода из скромного офисного клерка стал «этим»? Пьющим, курящим, забывшим о компьютерах и гаджетах, плывущим по течению говном.

— Алло.

— Слушай внимательно, тварь!

Мужской голос из динамика не сумел покориť меня своей дружелюбностью, и я молча отклоняю вызов. Просто жму пальцем «прервать разговор». Разбираться и выслушивать недосуг.

Убираю телефон на тумбочку, снимаю презерватив, бросаю его на пол и надеваю трусы. Новенькая переворачивается на спину, тянет с пола одеяло, кутается в нем и смотрит на меня своими засыпающими глазами.

— Кто звонил?

— Не знаю.

Сказал я, почесал плечо и не обманул.

На этот раз я опять ответил ей честно, от всего сердца, коротко и без ставшего привычным красноречия. Я на самом деле не знал, кто он, этот вечерний звонитель. Лишь догадывался. Вариантов здесь не много. Это мог быть чей-то ревнивый муж, заподозривший неладное, или чей-то рассерженный отец, или брат-заступник... Может, он заглянул в переписку, обнаружил фотографии или видео, которые я всегда прошу удалить. А, может, девушка сама ему обо всем рассказала, такое тоже бывает.

Точно не могу сказать.

В одном я уверен на все сто — он перезвонит.

Факт.

Можете мне поверить. Он будет звонить и звонить. Названивать, пока не выговорится или пока не подловит меня на улице у ларька, покупающего очередную упаковку экстратонких ребристых презервативов.

Телефон звонит.

С тех пор, как я осознал, что целомудренный образ жизни не то, ради чего я появился на свет, мне стали часто звонить и писать такие вот рассерженные роганосцы, ревнивые горемыки, как я люблю их называть.

Телефон надрывается.

Странно. Я забыл перевести его в беззвучный. Может, это знак? Может, стоит выслушать, погукать, понимающе покивать, расхаживая на балконе, пока курю...

— Ответишь? Вдруг что-то важное.

Может, она и права.

Если разговора не избежать, почему бы не потратить сейчас свои драгоценные шестьдесят минут. К тому же сейчас я, как истинная свинья, до пятницы совершенно свободен.

Надеваю очки, беру телефон и делаю глубокий вдох.

Шестьдесят минут смирения. Ровно столько нужно оператору, чтобы автоматически разъединить связь. Ровно столько обычно достаточно звонящему, чтобы выговориться, наугрожаться вдоволь и больше меня не беспокоить.

— Алло.

Отвечаю, подцепливаю халат, выхожу на балкон и закуриваю.

— Еще раз только повесь трубку!

Молчу.

Пусть я выпил, пусть мне не нравится устаревшая фраза «повесь трубку», но молчу. Я знаю правила этой игры. Нужно слушать, соглашаться и поддакивать. Ни в коем случае нельзя спорить или оправдываться.

— Тварь, ты думаешь, что знаешь, о чем пойдет речь. Ты думаешь, что тебе все сойдет с рук. А?

— Не понимаю, о чем вы.

А вот здесь я должен был ему ответить. Поверьте, так надо. Это еще больше разозлит горемыку. Распалит. Он начнет кричать, забрызгивая слюной окно, у которого он наверняка сейчас сидит.

Все они так сидят. Смотрят через занавеску на тротуар, по которому не так давно после душераздирающего скандала ушла их ненаглядная заплаканная красотка. Скрылась за углом, гордо покачивая бедрами. Они смотрят, разбивают косяшки о стену, трясут коленом возле батареи, громко сопят и набирают мой номер.

— Представьте, пожалуйста, — говорю, рассматриваю рисунки драконов на рукаве халата и продолжаю валять дурака. — Кто вы? Возможно, вы не туда попали.

Моя задача — говорить весело и бодро. Нужно как следует раздражить горемыку. Это на пару минут сократит его гневные речи. Это обязательная часть такой беседы. Это как помахать красным платком перед носом обезумевшей собаки, или слона, или как там обычно говорят... И это, черт побери, весело.

Но важно не перегнуть.

— Урод, ты все еще жив только потому, что я хочу послушать...

Этот горемыка, кажется, плачет.

— Послушать, урод, что ты мне ответишь...

Он запнулся. А я насторожился.

Что-то в его голосе было не так. Наш разговор развивался не так. Уж поверьте, я знаю, как обычно движется подобная беседа.

— Эй, друг, — говорю и начинаю оправдываться, нарушая собственное правило.

— Ты мне не друг, тварь!

Умолкаю.

Слушаю всхлипывания.

Без сомнений, на том конце злится и плачет взрослый мужик.

— Ты! Ты!

— погоди, — пытаюсь немного успокоить горемыку.

Нужно менять тактику. Важно — не перегнуть. Помните? Зачем добивать лежачего?

Меняю интонацию и продолжаю:

— Послушай, друг. Я догадываюсь, что заставило тебя позвонить. Ты расстроен и винишь меня. Но дело в том, что нужно учитывать все обстоятельства. Понимаешь? У нас любовь...

— Заткнись! — он свистит от злости. — Замолчи! Я передумал, не хочу тебя слушать.

Облом. Мой план с «но у нас же любовь» провалился. Иногда срabатывает, стоило попробовать. Бывает, удается соскочить с ругани через описание неконтролируемых чувств, сослаться на аффект и в итоге докрутить горемыку до фразы: «Ладно, вижу, ты нормальный мужик. Если обидишь ее, я тебя... собственными руками». Но, видимо, этот печальный рогоносец — не романтик.

— Что ж, ладно. Тогда как? Всего доброго, получается? Приятно было познакомиться.

Жаль, конечно, что мой горемыка не созрел. Придется позже выслушивать. Но, что поделаться, разная психика у людей. Кто-то молча напивается, кто-то кричит, кто-то плачет. Кому-то нужно чуть больше времени, а кто-то успеваеет и...

— Посмотри на крышу, тварь.

— М?

— Напротив дом. Посмотри на крышу, урод!

Что он хочет? Такого в моей практике еще не случилось. Он там? Неужели он знает, где я? Как-то выследил или блефует?

— На крышу? Транспарант мне обидный нарисовал? Или хочешь посвятить мне свой рогатый полет на асфальт?

Специально злю его. Пусть лучше бесится, чем плачет, а то мало ли, на самом деле спрыгнет.

— Зачем? Ау. Хмурый, тебя спрашиваю.

— Хочу посмотреть в глаза.

— Что?

Щурюсь, всматриваюсь.

Темно, с моим зрением ни черта не разглядеть. Какие-то фонари, антенны на фоне луны и облаков.

— Ну и? Смотрю.

Горемыка молчит. Сопит в трубку.

— Что притих? Как тебе? Могу подмигнуть...

— На, сука!

Раздается звук.

Звонящий, хлесткий.

Уверен, что это был звук выстрела. Думаю, ружье. Раньше я слышал похожие звуки в кино. Там они значительно тише, возможно, на улице прогремело и не ружье вовсе, но... Без сомнений, это был выстрел. И уверен я не из-за просмотренных фильмов. Из-за боли и испорченного шелкового халата своей новой знакомой, бывшей лесбиянки.

Лежу, хлюпаю ладонью по мокрой ткани на своем животе и не могу поверить, что это конец.

Телефон на полу все еще включен. Горемыка что-то кричит, но мне не слышать с такого расстояния.

— Господи! Что случилось?

— Дополнительная дырка, — отвечаю ей.

Хочу показаться спокойным, но улыбку выдавить не могу.

Одним словом — беда. Полный пи*дец.

Нет, со мной и раньше случались неприятности. Избивали до полусмерти, даже ножом пырнули. К поездкам в больницу, можно сказать, привык. Так что выстрел не стал таким уж сюрпризом.

— Сейчас, сейчас-сейчас, — повторяет она и вертится на месте в растерянности.

Я, конечно, подозревал, что мой новый образ жизни не приведет ни к чему хорошему. Знал, что однажды меня настигнет кара рогоносцев. Но что это случится так скоро...

— Сейчас-сейчас.

Новенькая носится вокруг меня, суетится, плачет, затыкает рану полотенцем. Задевает, роняет лыжные палки, наклоняется поднять, передумывает, бежит в комнату, спотыкается о палки, звонит врачам, кричит и возвращается на балкон.

Интересно, если бы она знала, что я не планировал строить с ней серьезные отношения, переживала бы так? Вызвала бы «Скорую»? Если бы знала, что несмотря на то, что она уже полгода работает в нашей конторе, а я даже имени ее не могу запомнить, стала бы приговаривать

«держишься, мой хороший»? Стала бы меня успокаивать?

— Держись, мой хороший.

Она делает вид, что не боится крови, что для нее, серой офисной трудяги, обычное дело — спасти человека от огнестрела.

Мне трудно терпеть.

— Держись, мой хороший. Мы справимся. Подыши, — она садится рядом, берет меня за руку и начинает громко ритмично сопеть.

— Х*ле ты делаешь? Я ж не беременный.

Мне смешно наблюдать за паникующей женщиной, но вместо хохота из моего рта вылетает кашель, и я корчусь от боли.

— Пожалуйста, не разговаривай. Терпи, мой хороший, — она шепчет, приговаривает, шмыгает носом и гладит меня по голове. — Не бойся.

Не бойся, говорит...

А я не могу не бояться!

Твою ж мать, как тут не бояться?

Мне пи*дец страшно. Страш-но! Но не только от того, что я вот-вот сдохну. Нет. Думаю, что как раз на это мне уже плевать. Страшно, что я не успел, что не справился, что мою книгу издадут, что ее прочитают, что я навсегда останусь в памяти людей говном. Страшно, что не извинился, не раскаялся, что, если и существует ад, меня там уже поджидает черт с огромной сковородкой,

вилкой и щипцами для выкручивания яиц. И я ничего не могу изменить.

— «Скорая» едет. Не бойся. Все будет хорошо.
Нет.

Хорошо точно не будет.

И спор проигран...

Ну как так? Единственное дело, которое я наконец решил довести до конца, — провалено.

Опубликуют, и, как назло, книга станет бестселлером, разлетится миллионным тиражом, а меня уже нет. И нет возможности объясниться и оправдаться перед читателями. Не получится парировать колкости критиков...

Страшно мне, что и после смерти придется краснеть за этот ссанный дневник.

«А-оу» — звенит телефон старым звуком аськи.

Пришло уведомление (много лет назад установил себе этот ретрозвук сообщений и теперь скачиваю его на каждый свой новый смартфон, как дань уважения мессенджерам прошлого и в силу привычки). И зачем я об этом думаю в такую минуту? И о чем вообще нужно думать перед смертью?

— Дай...

Прошу Новенькую подать мне телефон.

Голова кружится.

Кровь вытекает на бетонный пол проклятого балкона. Шелк, зараза, совсем не впитывает жидкость, липнет, деревенеет и окрашивает своих зеленых китайских драконов в цвет свершившейся мести. Новенькая трясется, ритмично дышит мне в ухо. Смартфон аоукает, сообщения приходят, а я лежу, хриплю, кашляю.

И, кажется, теряю сознание.

ГЛАВА 0.

ИСТИНА РОЖДАЕТСЯ В...

— Видел, кого к нам привели? — спрашивает Филипп.

Филипп — это мой друг детства. Станный, чудаковатый, но мой лучший друг, если, конечно, не обращать внимания на то обстоятельство, что других друзей у меня попросту нет.

Описывать его внешность не хочу.

Какая разница, какого цвета у него глаза? (!если что, карие). Думаю, хватит упоминания того, что они у него есть. Есть еще и руки, и ноги, и шея, все кривое, но в нужном количестве. В общем и целом обычный, ничего особенного. Худой, высокий.

Что еще...

Филипп, можно сказать, веселый парень, насколько бывает веселым застенчивый и затюканный программист с «глубоким внутренним миром», как он сам любит о себе говорить. Насчет упомянутой глубины не знаю, но ростом Филипп чуть выше меня, если быть точным — всего на

полсантиметра, но этого ему всегда было достаточно, чтобы при распределении ролей в играх он назначал себя величественным волшебником, братом Гэндальфа, а я без жребиев и голосований всегда оставался безымянным полуросликом, робким помощником и заместителем легендарного Фродо.

— Глухой? Спрашиваю, ты видел новенькую?

Филипп, пригнувшись, останавливается у меня за спиной, хотя знает, гад, что я терпеть этого не могу.

Наклоняется через спинку моего именного кресла премиум-класса, оформленного в классическом стиле, с деревянными вставками из красного дерева, отвлекает от работы и надоедает своими глупыми вопросами. И не проигнорируешь же. Не отстанет.

— Что ты хотел?

— Поднимись да посмотри, — говорит он и ставит бутылку с газировкой на мой стол. — Только осторожно.

Он тычет пальцем за перегородку и требует, чтобы я проверил.

Вот, оказывается, для чего начальство отгородило нас этими непрозрачными картонными заборчиками — чтобы мы не отвлекались от мониторов и не переглядывались в рабочее время. И чтобы, если встаешь с места, твою ленивую

голову халтурщика было видно через весь кабинет.

— Давай потом, а? Я занят, — отвечаю и подстилаю салфетку под его бутылку.

— Ого, ты заставку сменил? Покажь!

Ну вот, началось.

Выключаю монитор.

Не то чтобы я стеснялся того, что Филипп увидит мою новую картинку на рабочем столе, просто не хочу опять с ним спорить, кто круче: Хидан из «Наруто» или Марко Россо из «Шаман Кинг». Проще убрать раздражитель.

— Покажи!

— Отстань.

Повторно жму на кнопку выключения монитора, которую он успел клацнуть.

Знаком с ним с пеленок, и ни дня не прошло, чтобы мы о чем-нибудь не поспорили. Он готов предложить пари по любому поводу, а если проиграт, будет с пеной у рта доказывать свою правоту и приводить мне свои так называемые убийственные аргументы в пользу теории, что на самом деле его промах — это не поражение.

«Вранье!»

Никогда я так не делал.

Прошу прощения, уважаемый читатель. Я все понимаю, грубо перебил... Мне и самому интерес-

но прочесть и узнать, что он там дальше написал. Понимаю, невежливо вклиниваться в чужое повествование.

Но!

Я должен сейчас же поправить моего друга.

Пусть это его книга, пусть он автор этого неуклюжего дневника позора, но молчать, когда на меня нагло клеветают, не могу.

Признаю. Да. Возможно, в чем-то он прав. Но лишь отчасти. Иногда, очень редко, я могу себе позволить вступить в спор. Но. Скажем так, не злоупотребляю. И я на самом деле никогда не прогрываю, этот дневник тому доказательство.

Так что не стоит верить всему, что этот неумелый писака тут понапридумывал.

Все.

Еще раз простите, что перебил.

Читаем дальше.

И, да... Если что, Хидан круче, чем Марко Россо».

— Зачем выключаешь? Покажи, что там у тебя?

— Просто так ты же не уйдешь, правильно? Ты хотел, чтобы я встал? — пытаюсь сменить тему. — Ну вот, все, я стою.

— Пригнись! Совсем идиот?

Филипп шипит, тянет меня за рукав, и я пригибаюсь, прячусь за перегородкой.

— Ну как?

— Что — как?

— Как она тебе?

— Кто?

— Ну, новенькая. Неужели не увидел? Протри очки.

Теперь две макушки торчат из-за моей перегородки, и две пары глаз пялятся на новую сотрудницу.

— А ты уверен, что...

— Да, точно — девушка. Хочешь, поспорим?

— На щелкан?

— Да.

Соглашаюсь и продолжаю рассматривать.

Среднего роста, волосы собраны в хвост, перетянуты резинкой, серый вязаный оверсайз-свитер, синие джинсы, скрывающие все подробности... так может выглядеть любой из сотрудников нашей фирмы.

— Получай.

Он щелкает мне в лоб и хохочет.

— Проспорил. Букет дали.

Проверяю.

Как и сказал Филипп, у нее в руке букет. Дурацкие цветы, которые я не сразу заметил. Цветы по правилам нашей корпоративной этики дарят только девушкам.

— Ничего такая. Правда?

— Ну не знаю...

— Красотка.

Филипп мычит, причмокивает и закатывает глаза, видимо, фантазирует, болван.

«Стоп!

Ну вот опять.

Ничего я не фантазировал и не закатывал. Тем более не мычал.

Мой друг снова врет!

Я, в отличие от него, не озабоченный. И с глазами у меня все нормально. Они, кстати, не карие, а зеленые.

И к тому же я не болван.

И я не оправдываюсь.

Просто, возможно, и то... только возможно, в тот конкретный момент я проявил слабость и на свой манер вежливо отметил привлекательность конкретной самки. Понятно вам?

Или «самки» не говорят?

Ладно.

Простите, продолжаем читать».

— Не знаю. Она же спиной к нам.

— И что? Не привык еще? Девушки всегда к таким, как ты, спиной поворачиваются. Эта — красотка. Уж поверь. Я знаю, о чем говорю.

— О, да. Знаток нашелся.

— Говорю, что уверен! К тому же я видел отражение ее лица на экране, когда она проверяла свой смартфон.

— С такого расстояния?

— Мы живем в век технологий. Я сфотографировал, приблизил и рассмотрел. Показать?

Киваю.

Филипп достает телефон, пролистывает галерею девушек в купальниках, останавливается на темном пятне, жмет и разворачивает фото на весь экран.

— На.

— Что это?

— Она.

— Где?

— Вот.

— Где?

— Да вот же.

— Она что, черный квадрат?

— Ха-ха, не смешная шутка, и если быть точнее, это не квадрат, а прямоугольник. Вот здесь, смотри, — он растягивает пальцами изображение и увеличивает неразличимый участок снимка до пиксельных кубиков. — Ты приглядишься. Видишь? Это ее смартфон, а это силуэт — отражение лица.

Ничего не вижу, но киваю.

— То-то. Красавица.

— Хорошо. Пусть будет красавица.

Спор окончен, мой друг не считывает иронию, успокаивается, уверенный, что ему удалось во всем меня убедить. И ладно. Мне не трудно остаться за флагом.

— Эх, такая красотуля... — говорит Филипп и качает головой, любуясь пятном на экране. — Красотуля и лесбиянка, — добавляет он и чешет подбородок.

— Что?

— Да-да. Лесбиянка.

— Пф. С чего ты взял?

— Точно тебе говорю — лесбиянка, как пить дать. Готов поспорить на что угодно, она любит девочек.

Не собираюсь с ним спорить, тем более выяснять его придуманные «убийственные» аргументы на этот счет.

Усаживаюсь на свое место и пододвигаю клавиатуру, мол, все, дорогой друг, тебе пора, а мне пора за работу.

— А что ты так расстроился? Думаешь, не будь она лесбо, у вас бы с ней получилось?

— Ничего я не думаю.

— Да, конечно. Знаю я тебя. Но ты даже не напрягайся. Будь уверен, ничего бы не вышло.

Филипп начинает меня подбешивать.

Почему ему прям жизненно необходимо каждый раз спроецировать на меня свои больные фантазии, лично их же обгадить, опошлить и после всего попытаться еще самоутвердиться за мой счет, принижая меня в моих же глазах?

— Почему не вышло бы?

— Сам знаешь почему.

— По-твоему, я так плох?

— Не плох, а лох.

Ну вот, он опять за свое.

Лучше промолчать, а то поссоримся, а нам вечером предстоит совместный рейд к логову ведьм. Был бы он бойцом или танком, это одно, но без хилера в подземелье всей гильдии придется несладко.

— Что замолчал? Думаешь, преувеличиваю? Смирись. Ни одна девушка в этом городе, в этой стране, на этой планете никогда и ни за что не согласится с тобой... Спорим?!

— Да перестань.

— Трус!

Меня столько раз за жизнь пинали и называли трусом, тряпкой, много чем похлеще, что, можно сказать, привык. Когда с раннего детства живешь белой вороной среди ровесников, привыкаешь ко всему: и к оскорблениям с непониманием, и к унижениям с презрением. К одиночеству. К по-

корному смирению. И к боли. Физической и, что куда хуже, к моральной боли тоже привыкаешь.

— Трууууссс!

— Вообще не обидно.

— Трус! Трус! Ссыкло! Трус!

Ну трус. И что? Филипп ничего особенного не сказал. Ничего такого не сделал. Но в тот момент. В то самое мгновение, когда мой внутренний голос стал подпевать Филиппу «трус, трус, трууусс», во мне что-то сломалось.

Кулаки сжались крепче, чем челюсти. Что-то щелкнуло, переключило и взорвалось. Может, это терпение. Может, самолюбие. Точно не знаю, но последняя капля была пролита. Чаша весов склонилась и переломила рычаг пополам, опрокинула содержимое и выплеснуло его наружу. Все обиды, отказы, запреты и унижения. Все упреки, страхи и сомнения.

Все рассыпалось. Разлетелось по полу.

И я принял спор.

Не задумываясь, решительно произнес про себя: «А, давай, козел! Плевать! Давай, слабак!»

Заключил пари.

Не с Филиппом, разумеется, а с собой.

В конце концов, как я смогу себя уважать, если не сделаю шаг? Прямо сейчас не соберусь, не возьму себя в руки и не сделаю этот вонючий дурацкий шаг на трясущихся коленях.

Что я теряю?

В самом худшем случае, вернусь обратно за монитор, продолжу выполнять чужие поручения, подбирать и менять тупые обои на тупом рабочем столе.

— По рукам.

— А?

— Я принимаю пари.

Филипп теряет дар речи. Рот его открыт. Брови подняты.

— Что завис? По рукам, говорю.

— На щелкан?

Нет. Высока важность поступка. Щелкан слабая мотивация.

Стал бы Геракл совершать подвиги ради щелкана? Или Человек-паук, стал бы он, рискуя жизнью, перелетать с крыши на крышу за такую цену? Железный человек? Джокер? Нет, нет и еще раз нет.

Нужно придумать что-то посерьезнее. Что-то такое, что заставит меня дойти до конца, что отсечет все пути к отступлению.

Деньги?

Не стимул.

Я живу один, накоплений достаточно. Даже если проспорю все сбережения, меня это не расстроит. Подумаешь, обновлю видеокарту не завтра, а через месяц-другой.

Нужно что-то...

Компромат! Что-то крайне личное, такое, с помощью чего я смогу сам себя шантажировать.

— Нет, не на щелкан.

Филипп слушает и садится на корточки. Лицо его остается вытянутым от удивления. Наверное, он впервые слышит от меня подобные слова с подобной интонацией.

— Поступим так, — говорю, беру карандаш, отрываю листок для заметок и готовлюсь записывать. — Для начала составим договор. Цель спора — я должен обольстить новенькую. Так?

— Так.

— Обговорим сроки. Скажем, двенадцать месяцев. Ровно один календарный год, начиная с момента подписания договора. Идет?

— Нет. Месяц.

— Нереально. Слишком мало. Скажи еще охмурить за три дня. Год — вполне подходящий срок.

— Шесть месяцев. Ни тебе, ни мне. Ровно полгода начиная с подписания, и ни минуты больше.

— Сто восемьдесят три дня?

— Идет?

— Идет.

Я киваю, смотрю на часы и помечаю у себя в листке отчетное время — полдень.

— Выигранным считается спор в том случае, если у нас с новенькой состоится соитие, иными словами — половой акт. Верно?

— Нет. Стоп, стоп, стоп.

— Что?

— Перефразируй. Только подтвержденное соитие, и только по обоюдному согласию сторон.

— По обоюдному, это само собой разумеется. Но как я предоставляю тебе доказательства?

— В любой форме. Нужно подтверждение от новенькой. В устной или письменной, — Филипп посмеивается. — Фото- или видеоматериалы тоже подойдут для рассмотрения. В общем, сам придумай, как докажешь. Но знай, на слово я тебе не поверю.

Киваю и записываю.

— Хорошо. С этим пока определились. Назначим наказание в случае провала.

— Слушаю внимательно.

— Если я проиграю спор... Ты обнародуешь постыдные факты моей личной жизни.

— Какие еще факты?

— Обнародуешь компромат.

— Какой?

— Да хватит задавать глупые вопросы! Какой-какой. Сам догадайся — обо мне.

— Смешно... Я тебя знаю тысячу лет и могу с уверенностью заявить, что вся твоя жизнь

сплошной постыдный компромат. Тебе за тридцать, ты в дурацких очках, лысеешь и носишь футболку с пони.

— Ну. О том и говорю.

— Ты никогда не целовался с девушкой, даже не обнимался, не считая того случая со щекастой Люсей, которая схватила, подняла и повалила тебя в сугроб. Что еще? Совсем недавно ты переехал от мамы, но каждый вечер звонишь ей перед сном, чтобы миленькая мамулечка пожелала сыночку сладких снов. Мне продолжать?

— Отлично! Вот все это соберешь и сообщишь.

— Куда?

— Не знаю. Туда, куда надо. В интернет. Заведи сайт или канал, придумай. Мне нужна мотивация. Очень нужна. Иначе я не то что не выиграю пари, я не решусь попытаться его принять.

— Не сработает. Поверь, — произносит он тоном эксперта, отпивает свою газировку и ставит бутылку мимо салфетки.

— Почему нет?

— Не сработает, говорю, и все. Спорим?

— Да не хочу я с тобой спорить насчет спора! Тебе что, трудно помочь, когда тебя просит друг? Видишь же, мне это нужно. Выбери мой самый, на твой взгляд, стыдный проступок и шантажируй...

— Не сра-бо-та-ет. Мне не тяжело, но подумай. Все перечисленное — это компромат для нормального, для стандартного человека. Для тебя же это простая обыденность. Не сработает. С таким компроматом ты давно смирился и живешь.

Филипп прав. С этим я живу.

— Тогда как быть?

— А я откуда знаю? Думай. Копай глубже. Доставай все то, что прячешь в своей черепушке. Тащи мысли на осмеяние разъяренной толпе, жаждущей крови.

Он рассмеялся, а меня вновь передернуло от слов Филиппа.

Он снова прав!

Как же он прав. Бросить мысли жаждущей толпе.

И впрямь страшнее всего, если люди узнают, что я думаю. Люди смогут подсматривать за мной, причем не просто следить за действиями, они получают полный доступ к моим мыслям. Узнают, как, зачем и о чем я рассуждаю. Что, если они сочтут меня недостаточно умным?

— Филипп, спасибо! Ты гений!

— А? Ну да, знаю.

— Буду вести дневник.

— Так. Продолжай.

— Запишу в него полную хронологию своих рассуждений, действий и этапов достижения поставленной цели.

— И?

— Что — и? Все же понятно. Буду делиться откровенными мыслями, они станут компроматом.

— Отлично!

— На этот компромат и будем спорить.

— Супер!

— Да. И если я проиграю...

— Подожди-подожди. А если проиграю я? Это невозможно, но все-таки давай обсудим. Вдруг инопланетяне прилетят, похитят вас и внушат необходимость спариваться прямо у них на глазах.

— Что ты несешь?

— Согласен, шанс не велик, но давай озвучим последствия. Чисто гипотетически, чем рискую я?

— В случае моей победы, назначим тебе... щелкан.

— Один?

— Да.

— Без оттяжки.

— Без.

— И левой рукой.

— Правой.

— Согласен.

— Так вот... Если я не справлюсь, ты опубликуешь дневник.

— Бесподобно! Опубликую, и все узнают, как ты опозорился.

— Да.

— Уточнение. Опубликую под твоим настоящим именем?

— Да.

— И с фотографией автора, которую выберу сам.

— Да.

— Отличная идея. Роскошная! Тем более, как я понял, изначально это была моя идея, — он задумывается. — Просто шикарная находка, все записывать. К тому же, дневник послужит отчетом о ходе операции и доказательством для меня.

— Да.

— И я смогу наблюдать, контролировать все стадии и, кстати, подбадривать друга, если потребуется.

— Решено.

— Решено.

Филипп кивает и потирает ладони.

Я знаю, хоть он и не верит в мой успех, ему нравится формат новой игры, тем более что он сможет следить за происходящим лично и быть в курсе деталей, при этом ничем фактически не рискуя.

— А как назовем нашу книгу?

— Нашу? При чем здесь ты? Писать буду я. И это вовсе не книга, а постыдный дневник.

— Без разницы. Давай вместе придумаем название нашему позорному дневнику, — говорит он сквозь отрыжку. — Ой, извини. Это все клубничная газировка. Кстати, угощайся, если хочешь, там еще осталось.

— Отрыжка.

— Да, извини, говорю. Я не специально.

— Нет. Наша книга.

— Что?

— Назовем дневник «Отрыжка».

— Фу...

— А еще лучше — «Громкая отрыжка без цвета и запаха».

— Плохое название.

— Не скажи.

— Плохое и длинное. Это я тебе точно говорю.

— Хорошее!

«Угу.

Нашел простака.

По-моему, уважаемый читатель, мой друг притворялся. Он прекрасно понимал, что предлагает мерзость, и пытался схитрить.

Надеялся, наверное, что я дам слабину, соглашусь с таким названием, и никто не станет брать в руки его книгу.

Не на того напал.

Меня так просто не обвести вокруг пальца».

— Отвратительное.

— Превосходное. Во-первых — звучит загадочно и романтично, а во-вторых — так еще позорнее получится. Подумай.

В-третьих, продолжил я про себя, оно точно такое же, как моя жизнь — мерзкая, противная, без цвета и запаха.

— В общем, поступим так — раз я пишу дневник, то мне и решать, как его назвать.

На это Филипп ничего не ответил.

Думаю, ему сразу понравилось название моей хроники, он просто упрямился из-за ревности, так как «Громкая отрывка без цвета и запаха» придумал не он.

«Уважаемый читатель, он в очередной раз не прав.

В тот момент я промолчал. Но чтобы вы не решили, что я все-таки поддался, уступил или проиграл, поясню.

Логика проста:

Я сразу раскусил его хитрость, но не стал уличать. Я подозревал, что ни одно издательство не возьмет материал с таким заголовком. А если и примет на рассмотрение, то не станет выпускать книгу под таким названием. "Громкая отрывка без цвета и запаха" — тоже мне придумка, ни креатива, ни эстетики.

Полнейшая безвкусица.

Пусть сочиняет и мечтает о чем угодно — так я тогда решил.

Моя схема — переиграть его в перспективе своим многоходовым планом, используя интеллект. Согласитесь, будет жуть как приятно ткнуть его носом в поражение. Особенно после того, как он столько времени будет думать, что переспорил меня. А подтверждением послужит эта запись.

Вот так-то, нравится ему или нет, но я снова победил.

И придумал же... Без цвета и запаха... Пф... Это что вообще, гелий, или азот, или метан? Лишь бы что.

В общем, я молча не согласился с ним.

А книга, как вы, очевидно, знаете, вышла под другим, нормальным названием».

ГЛАВА 1.

ВНЕШНЯЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Решил писать по старинке, ручкой по бумаге. Выяснилось сразу несколько фактов: печатать на клавиатуре у меня получается заметно быстрее, почерк стал еще ужаснее, чем был в университете, мне доставляет удовольствие этот процесс.

Задерживаю шторы, закрываю двери, подвигаю настольную лампу, отключаю музыку (!дневник — вещь интимная). Попытаюсь подольше не прибегать к гаджетам. Рядом стоит недопитая чашка кофе и коробочка шоколадных конфет.

Что ж. Приступим.

«Отмечу — его запала писать от руки хватило ненадолго.

Интимная вещь дневник или нет, но в итоге мой друг стал комбинировать: писал и в блокноте, и в телефонных заметках, и с клавиатуры в рабочее время, и на салфетках в кафе.

Записывал и заливал мысли в облако, а я сидел, сортировал обрывки фраз и разрозненные куски текста в целостный сюжет.

Но знайте, уважаемый читатель, Ваш покорный слуга донес историю практически без искажений и серьезных редакторских правок».

Смотрю на чистый лист и не знаю, с чего начать.

Опыта в ведении дневников у меня ноль. Ем конфеты. Шоколад должен активизировать работу мозга, но пока не помогает.

Вот скажите, будьте так любезны, откуда все писатели знают, с чего начать? Какое слово подобрать, чтобы запустился процесс?

Так, ладно.

Буду рассуждать вслух.

Пойдем по порядку.

Что тут у нас?

Восемь утра. Температура в комнате приемлемая, чувствую себя комфортно. Встал на час раньше обычного, умылся, сварил кофе, съел два овсяных печенья и проверил почту...

Нет. Это скука. Никому не интересно. Вычеркиваем.

Сначала.

Итак, уважаемый дневник, хочу приступить к своей первой записи с небольшого приветствия...

Снова бред.

Какое, к черту, приветствие и какой уважаемый дневник? Я, взрослый образованный человек, на самом деле обращаюсь к разлинованным листам блокнота?

Нет. Вычеркиваем!

Это выглядит как-то ненормально. А как тут правильно? Как, чтобы нормально?

Пальцы штрихуют изогнутые узоры на полях, знакомый со школы и почти забытый запах чернил шариковой ручки вызывает ностальгию.

Мне нужно представлять конкретный объект, для которого пишу, и желательно одушевленный. Иначе не получится.

О, придумал! (!кажется, шоколад подействовал).

Филипп. Привет, Филипп. Буду обращаться к тебе, мой друг, чтобы не чувствовать себя сумасшедшим. Все равно ты изучишь эти записи, так что можно считать — это послание тебе.

Еще раз с начала.

Итак, мой уважаемый друг Филипп, докладываю обстановку: на циферблате восемь двадцать три, я почти полчаса провозился с первыми строчками и наконец-то готов полноценно начать.

День первый. Запись первая: «Встречают по одежке».

Я реалист и не питаю иллюзий, что тот образ, который с годами закрепился на мне, сможет

произвести приятное впечатление на Новенькую. Кстати, стоит, наверное, узнать ее имя, а то как-то неловко называть ее Новенькая.

Первое, на что она обратит внимание, естественно, будет то, как я выгляжу. Это как в любой игре: сначала мы настраиваем внешний вид своего персонажа. С этим пунктом проблем не будет. Не считаю себя уродцем, думаю, что выгляжу неплохо. По крайней мере, мама всегда повторяет, что я у нее самый красивый. (!вряд ли, конечно, я прям самый красивый, но уж точно не самый стремный).

Приступим к тонкой настройке персонажа.

Цвет глаз, нос или уши мне не изменить без хирургического вмешательства, ну и не надо. Повторюсь, я изначально не пугало. А вот над стилем стоит поработать.

Я уверен, что всем красивым девушкам нравятся стильные парни. Суперстильные: крутая кепка, широкие штаны, кроссовки, толстая цепь на шее, перстни. Или я перечисляю штампы из рэперских клипов? Пока не ясно (!уточнить), ясно одно, мой нынешний наряд исключается полностью, вместе с любимым браслетом из кожи нетопыря.

Что мы знаем о стиле?

Ровным счетом одно — он напрочь у меня отсутствует.

Но это не беда.

В цифровой век высоких технологий и интернета ничего не мешает интеллектуально развитому существу подыскать подходящий образ в Сети (!факт). Людям больше не нужны советчики в подобных вопросах. Стилист, имиджмейкер — бесполезные слова, если умеешь пользоваться клавиатурой и мышкой. К тому же не нужно быть профессионалом для того, чтобы понять — прежде чем предстать перед Новенькой, неплохо бы обновить гардероб.

Этим и займусь в обеденный перерыв, а пока — прикладываю несколько фотографий мужчин в костюмах, схожих со мной по комплекции, которые я подобрал в Сети (!шикарно).

При выборе одежды собираюсь ориентироваться на эти снимки. Прикрепляю их канцелярской скрепкой к странице, позже куплю клей и приклею.

«Так и не приклеил. Оставил на скрепке.

Жаль, кстати, что в тот день он не показал мне свою расчудесную подборку, хотя я просил. Так что сам виноват. Мог бы избежать лишних переживаний.

Его переживания — это плохая новость.

Но есть и хорошая — вам, уважаемый читатель, безгранично повезло, потому что в книге не

будет иллюстраций и вы не увидите, что за образы подобрал для себя мой друг.

Я, конечно, тоже тот еще имиджмейкер, но могу с уверенностью констатировать: в далекие восьмидесятые на какой-нибудь неформальной вечеринке наркоманов, пьяниц и блудниц подобный образ кому-нибудь из них подошел бы. Но не в наши дни, не в нашем офисе и не на моем друге.

Кстати, насчет подходящей комплекции он не соврал, на снимках все мужчины тощие и невысокого роста».

Что, Филипп? Не ожидал, что решусь?

Обожаю представлять твое удивление. Твои удивление и панику, когда ты будешь читать дневник. Эти твои заползшие под челку брови, мечущиеся глазенки, эту отвисшую до живота челюсть.

Знай — твое удивление, страх и зависть придают мне сил.

Ура!

Я отправляюсь в путешествие, ввязываюсь в настоящее невероятное и опасное приключение.

Настало мое время!

Гусеница достаточно натерпелась и готова обратиться прекрасной бабочкой.

Для меня теперь нет ничего невозможного.

Увидимся на работе.

День первый. Запись вторая: «Разведчик».

Тринадцать ноль ноль.

Все утро я успешно скрывался от Новенькой. Недопустимо, чтобы она увидела меня нестильным. Пришлось отказаться от походов к кулеру с водой, визитов в уборную и любых других поводов для вставания с места.

Пришлось терпеть.

А как иначе? Первое впечатление ничем не исправишь, стоит разочаровать — и потом уже никакой галстук не спасет.

Но это не проблема. Чего-чего, а терпения у меня на сто человек хватит, терпеть — мое кредо. Если все время живешь в состоянии ожидания, прячась под лавкой от окружающих, пару часов не отсвечивать не составит труда. Посидеть чуток — пф, переживу, мочевого пузыря у меня знатный, как-то выпил две большие кружки компота и почти без проблем ждал четыре часа, пока водитель остановит автобус.

Чтобы не терять ни минуты из отведенных мне двухсот шестидесяти двух тысяч девятьсот восьмидесяти, (!довольно точный расчет в рамках оговоренного полугодия), в дообеденные часы решаю бросить все силы на выяснение имени моей случайной избранницы.

«Уважаемый читатель, что касается текста в круглых скобочках. Поясню. Это мысли, которые

мой друг помечал на полях. Сначала я хотел удалить ремарки, чтобы не захламлять и без того своеобразный текст, но позже решил их оставить. Выделяю его уточнения и пометки круглыми скобками.

Они полезной информации не несут, но позволяют лучше понять, как рассуждает мой друг.

Сейчас он читает этот фрагмент, и у него, поверьте, дергается глаз.

Да, друг? Ты же этого не хочешь?

Что касается его наивных шпионских игрлиц по знакомству с Новенькой... Констатирую фиаско. Вместо реализации секретной операции хитроумным шпионом у него вышла убогая попытка ребенка симитировать работу неопытного и глупого сыщика.

Так бы я это охарактеризовал и сформулировал, если бы хотел спародировать его потуги: робкое подобие непрофессионального поползновения сквозь землю недотепы, пытающегося проявить избыточный недостаток интеллекта.

Поверьте, он понял, что я написал и что имею в виду. Мы давно знакомы... Сидит, пыхтит от злости.

Злится.

А я сейчас сияю от радости, так как знаю, что в это мгновенье мой друг хочет захлопнуть книгу.

Да? Так ведь?